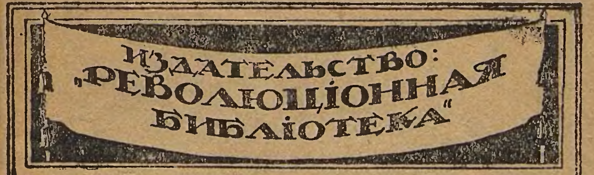

Революція въ Петроградѣ.

Да здравствуетъ Республика!

ПЕТРОГРАДЪ

Издательство
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА"

М. С—къ.

Революція въ Петроградѣ

ПОТРОГРАДЪ
—
1917.

Тип. Акц. О-ва «Копѣйка».

Тяжело жилось русскому человѣку при старомъ правительствѣ. Земли у крестьянъ мало, а подати и налоги большіе. На фабрикѣ рабочій съ утра до вечера трудится, а заработокъ небольшой: еще въ мирное время съ трудомъ онъ могъ прокормить свою семью, а какъ настала война да вздорожали продукты, такъ и совсѣмъ не вмоготу стало бѣдному люду жить. Правда, денегъ во время войны платятъ за работу много, да толку-то что? Сами деньги дешевле стали. Бывало, за рубль въ лавкѣ чего только не купишь! А теперь рубль—не деньги: больно много выпустили бумажныхъ рублей. Старое правительство плохо управляло страной. На фронтѣ пушекъ, снарядовъ и ружей оказалось недостаточно, а вну-

три страны еще большіе безпорядки обнаружились. Кругомъ нѣмецкіе шпіоны, измѣна, предательство. На фронтѣ неудачи стали наши войска терпѣть, въ тылу сильно жизнь вздорожала. Подъ конецъ въ городахъ, особенно въ столицахъ—Петроградѣ и Москвѣ, и хлѣба не стало. Не потому, чтобы его не было въ Россіи, а потому что царскіе слуги не позаботились наладить какъ слѣдуетъ провозъ по дорогамъ. Получилось такъ: въ одномъ мѣстѣ хлѣбъ и мясо гніютъ—не даютъ вагоновъ—а въ другомъ народъ вынужденъ голодать.

Не втерпежъ стало жить, особенно рабочему люду. На фронтъ снаряды надо готовить, а на голодный желудокъ вѣдь много не сработать. Заволновались рабочіе въ городахъ. Стали требовать они, чтобы лучшій порядокъ установило правительство, чтобы выслушало оно, чего хочетъ народъ. Царь съ министрами и придворныя слуги царскія не хотѣли слушать непріятныя рѣчи. Кто посмѣлѣе былъ да правду громко говорилъ, тотъ въ тюрьму по-

палъ. И газетамъ не велѣно было правды о нуждахъ народныхъ писать. Тяжелымъ гнетомъ придавило всѣхъ правительство и правило народомъ, какъ хотѣло, только съ выгодой большой для себя

Оставался одинъ выходъ—въ Государственной Думѣ депутатамъ громко говорить къ народу, какое горе-горькое постигло Русскую Землю и какія бѣдствія ждутъ ее въ будущемъ. Но въ отвѣтъ на свободныя рѣчи народныхъ избранниковъ, царь со своими совѣтниками рѣшилъ Думу распустить. Указъ о роспускѣ Государственной Думы былъ подписанъ 27-го февраля, да ужъ поздно было. Въ Петроградѣ, гдѣ засѣдаетъ Дума Государственная, народъ съ криками „хлѣба" уже ходилъ по улицамъ, войска съ красными знаменами, съ оружіемъ въ рукахъ бросились на защиту Думы. Остановить бушующую стихію народнаго гнѣва не могли ни конная стража полицейская, ни пулеметы, поставленные на крышахъ домовъ, на башняхъ, на колокольняхъ церквей.

И Государственная Дума постановила не расходиться, а немедленно приступить къ рѣшенію неотложныхъ дѣлъ.

Это все было 27-го февраля, а уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ глубокое волненіе охватило народныя массы. Рабочіе на заводахъ и фабрикахъ бросили работу и вышли на улицу. Ожидали, что еще 14-го февраля, когда должна была открыться Государственная Дума, рабочіе со всѣхъ концовъ столицы пойдутъ къ ней и будутъ просить своихъ избранниковъ горю помочь, заступиться за народъ и спасти Россію.

Но 14-е февраля прошло спокойно. 23-го же февраля нѣкоторые большіе заводы прекратили работу. Густыя толпы рабочихъ съ пригородовъ двинулись къ центру города. Полиція загородила дорогу и не пропускала.

Всѣ чувствовали въ Петроградѣ, что наступила великая и грозная пора. Черныя тучи собирались надъ головой царскихъ холоповъ. Часъ суда пробилъ—и призвалъ къ отвѣту возставшій народъ измѣнниковъ и предателей

Родины. Тысячныя толпы пока еще молча двигались, но министры-правители всполошились. Хорошо понимали они что глухое недовольство долго таилось въ народной душѣ, долго терпѣли и ждали русскіе люди просвѣта, а теперь конецъ насталъ долготерпѣнію. Злоба и гнѣвъ противъ правительства охватили всѣхъ, отъ малаго до великаго, отъ рабочихъ окраинъ до шумнаго Невскаго. Бросались министры изъ стороны въ сторону; хитро придумывали, какъ имъ спастись отъ возставшаго народа, какъ укротить разбушевавшуюся стихію народнаго гнѣва.

Войсками наводнили Петроградъ, тысячи новыхъ полицейскихъ навербовали; жандармовъ да охранниковъ — отбросовъ столицы. Вооружили они ихъ лучшимъ оружіемъ, изъ Ораніенбаума пулеметы выписали, на коней посадили и бросили на безоружную толпу. Да не тутъ-то было. Полицейскія, которыхъ народъ еще давно окрестилъ „фараонами“, ничего подѣлать не могли. Обратились за помощью къ войскамъ, а среди войскъ уже слышался ропотъ,

что ихъ зря посылаютъ усмирять народъ, когда врагъ жестокій разоряетъ Русскую Землю; что народъ требуетъ правды и хлѣба; что для побѣды надъ нѣмцемъ-врагомъ нужно покончить съ измѣнниками-нѣмцами внутри страны.

Пока еще сдержанный говоръ переливался въ войскахъ — дисциплина вѣдь суровая. Поговоривали, что солдаты въ народъ стрѣлять не будутъ. Офицеры между собой сговаривались, нѣкоторые даже честное слово другъ другу давали, что всѣ мѣры примутъ, чтобы народъ успокоить, а стрѣлять приказу не дадутъ.

Можно было видѣть отрадныя картины въ рабочихъ пригородахъ въ первые дни Революціи. На улицѣ—тысячи рабочихъ. Вотъ показался отрядъ казаковъ. Въ прежнія времена на казаковъ смотрѣли, какъ на жестокихъ усмирителей, и при одномъ словѣ: „казаки!“ разбѣгались въ разныя стороны. Теперь же имъ кричатъ „ура“!, машутъ руками, хватаютъ за поводья и восторженно привѣтствуютъ защитниковъ Родины.

А вотъ въ другомъ мѣстѣ вплотную сошлись рабочіе и солдаты, свои вѣдь братья-товарищи: вчера за рабочимъ станкомъ, а сегодня въ солдатской шинели. Бесѣдуютъ, толкуютъ о томъ, о другомъ—о дѣлахъ на фронтѣ, о разрухѣ жизни въ тылу. Кто виноватъ—каждому ясно. „Что-жъ стрѣлять-то въ насъ будешь?"—спрашиваютъ рабочіе—„Нѣтъ",—говорятъ одни, а другіе молчатъ, но по глазамъ видно, что отдай только кто-либо приказъ стрѣлять, такъ самого мигомъ поднимутъ на штыки.

Знали и знали хорошо министры стараго правительства, что творится въ полкахъ, что думаютъ про себя и о чемъ открыто говорятъ солдаты. На нихъ надежда была слабая. Все вниманіе и всю свою заботу обратили Протопоповъ и Штюрмеръ, Хабаловъ и Балкъ на полицію. Ужъ какъ они ее ласкали, какіе щедрые подарки сулили они ей за разстрѣлъ безоружнаго народа!

Потомъ уже, послѣ побѣды народной, выяснилось, какая „такса" была

установлена за эту „работу“. На Забалканскомъ проспектѣ одного „фараона“ на чердакѣ пересдѣтаго за пулеметомъ застали. Хотѣли тутъ же прикончить, а онъ взмолился: говоритъ, что мы, дескать, люди проданные. Приставъ обѣщалъ выдать по 500, по 800 рублей за время работы съ пулеметомъ, а потомъ, когда круто пришлось, такъ заявилъ: „Братцы, по 200 рублей въ часъ!“

Полицейскіе участки, которые всегда ненавидѣлъ народъ, потому что оттуда шли постоянныя обиды и притѣсненія, теперь превратились въ настоящія крѣпости. Въ нихъ засѣли „фароны“, съ ногъ до головы вооружились, поставили въ окнахъ и на башняхъ пулеметы съ большимъ запасомъ патроновъ. Направили они эти пулеметы вдоль улицъ, чтобы по первому приказу усѣять землю трупами. Да и не только участки были такъ вооружены.

Посмотришь—и жутко становится, какъ готовились къ разстрѣлу народа трусливыя слуги стараго правительства.

На самыхъ людныхъ улицахъ, широкихъ и, какъ стрѣла, прямыхъ, на высокихъ крышахъ, на выступахъ домовъ, на перекресткахъ и углахъ— всюду стояли наверху скрытые пулеметы. На всѣхъ почти церковныхъ колокольняхъ были поставлены пулеметы, и засѣли на нихъ изверги-„фароны" и только ждали условнаго сигнала. На колокольнѣ Андреевскаго собора привязали пулеметъ къ языку церковнаго колокола, чтобы удобнѣе было стрѣлять!

Святыни оскверняли, надъ вѣрой православной глумились!

Народъ ходилъ по улицамъ и не зналъ, что на него со всѣхъ сторонъ смотрятъ пулеметы.

Какъ разсудить хорошенько, такъ ясно становится, что не только съ безоружной толпой готовилось сраженіе— съ нею вѣдь и конная стража легко справится. Дѣло посерьезнѣе. Дѣло въ томъ, что призвали въ столицу войска для защиты проклятаго народомъ строя, да и сами испугались этихъ войскъ.

Особенно заботливо украсили пулеметами улицы, по которымъ собирался идти въ Государственную Думу народъ—Невскій проспектъ и Суворовскій, Садовую улицу и Тверскую, Шпалерную, Литейный проспектъ и другія. Съ точностью выяснилось послѣ побѣды, что почти каждую большую улицу обстрѣливало по нѣсколько пулеметовъ.

Такія приготовленія были сдѣланы, видно, не только для безоружной толпы, а главное—противъ войскъ, которымъ перестало вѣрить старое правительство.

Въ первые дни Революціи уже поняли войска, противъ кого ихъ вывели и съ какой стороны у нихъ врагъ. Негодовали солдаты, снимая потомъ „пулеметчиковъ-фараоновъ" съ крышъ домовъ, и говорили: „Въ окопахъ извѣстно, съ какой стороны трещитъ пулеметъ, а здѣсь палятъ въ тебя со всѣхъ сторонъ".

Еще Волынскій полкъ не возсталъ, еще весь гарнизонъ Петрограда угрюмо и молча выжидалъ, а ужъ казаки

мѣстами расправлялись съ „фараонами“.

На Выборгской сторонѣ такъ было: приставъ на конѣ, а съ нимъ отрядъ „опричниковъ“ бросились на рабочихъ, но откуда ни возмись, три казака налетѣли, какъ соколы ясные. Приставу голову отрубили, а весь отрядъ обратили въ безпорядочное бѣгство.

На Лиговской улицѣ ѣхали казаки. За ними слѣдомъ шла толпа и привѣтствовала ихъ, кричала имъ: „Да здравствуетъ армія!“. Вдругъ изъ-за угла выскочили городовые и съ шашками наголо врѣзались въ толпу. Казачій офицеръ приказалъ остановиться, а они продолжали рубить. Тогда скомандовалъ онъ своимъ казакамъ въ атаку на „фараоновъ“ — очевидцы передаютъ, что человѣкъ одиннадцать ихъ легло на мѣстѣ, а остальные безъ оглядки бѣжали.

На Знаменской площади пристава убили, а народъ полѣньями дровъ забросалъ городовыхъ. Казаки бросились подъ командой молодого офицера и

обратили въ бѣгство конныхъ полицейскихъ. Въ другихъ мѣстахъ города тоже происходили столкновенія полиціи съ войсками.

Тутъ-то увидѣли и сообразили главные усмирители народа, что нужно новое средство придумать. Важно было доказать остальнымъ войскамъ, что не только полиція, но и сами солдаты стрѣляютъ въ народъ.

Съ этой цѣлью ночью изъ казармъ нѣкоторыхъ полковъ достали всю солдатскую омуницію, переодѣли солдатами городовыхъ, дали имъ винтовки въ руки и послали на улицу.

Уже 25-го февраля городовые какъ будто вымерли всѣ сразу—нигдѣ ни одного.

А къ вечеру и началась пальба по городу. Много старанья приложила полиція, чтобы разъединить отдѣльныя части города. На однихъ мостахъ черезъ рѣку Неву были поставлены пулеметы, на Охтенскомъ мосту ихъ стояло три штуки, а проходъ къ другимъ охранялся сильными нарядами конной и пѣшей полиціи.

Черезъ Литейный мостъ, что соединяетъ Выборгскую сторону съ городомъ, 25-го утромъ уже никого не пропускали. Съ каждымъ часомъ толпа все росла да росла. Наконецъ хлынула, какъ бурный потокъ, прорвала цѣпи городовыхъ, смяла ихъ вмѣстѣ съ конями и вырвалась на Литейный, а потомъ проникла и на Невскій проспектъ. Тамъ народу было видимо-не-видимо. Въ шестомъ часу вечера стрѣляли на Казанской площади; стрѣляли переодѣтые солдатами городовые у Городской думы; стрѣляли въ разныхъ мѣстахъ. Пулеметы трещатъ неизвѣстно откуда, а кругомъ валится народъ. По свѣдѣніямъ изъ больницъ, полученнымъ 25-го вечеромъ, убитыхъ и раненныхъ было сто шестьдесятъ восемь человѣкъ; сколько ихъ, кромѣ того, въ участкахъ осталось — неизвѣстно. Въ этотъ день большія звѣрства чинили полицейскіе. У Тучкова моста конные городовые врѣзались въ толпу рабочихъ и раздѣлили ихъ на три части.

Потомъ одну часть загнали во дворъ, закрыли ворота и тамъ разстрѣливали.

Разсказалъ это одинъ рабочій, доставленный съ тяжелыми ранами въ Петропавловскую больницу, гдѣ врачи удостовѣрили, что стрѣляли въ него прямо въ упоръ. Тоже самое творилось и на Посадской ул.

Насталъ послѣдній день жизни стараго правительства.

26-го февраля было воскресенье. Погода стояла славная; солнце свѣтило, что очень рѣдко бываетъ въ Петроградѣ.

Днемъ Невскій проспектъ представлялъ изъ себя необозримое море головъ. Въ разныхъ мѣстахъ отряды войскъ виднѣются, конныхъ и пѣшихъ. Народъ ихъ съ радостью встрѣчаетъ, особенно, когда стало извѣстно, что они тоже за него противъ полиціи. Раздаются крики „ура!“, „Да здравствуетъ армія!“

Вдругъ началась пальба. Въ разныхъ направленіяхъ свистятъ пули и не сообразить, кто въ кого и откуда палитъ. Конные городовые, переодѣтые солдатами, въ одномъ мѣстѣ нѣсколько разъ во весь карьеръ броса-

лись на толпу, но толпа была такая густая, что подѣлать ничего они съ ней не могли — отскакивали и уѣзжали прочь.

Подъ вечеръ, наконецъ, удалось при помощи пулеметовъ очистить Невскій проспектъ. Къ восьми часамъ вечера пустой и безлюдный онъ сталъ; походилъ на большую могилу, гдѣ царилъ гробовой покой.

Утромъ 27-го февраля, въ этотъ отнынѣ великій и на вѣчныя времена памятный день, послышалась безпорядочная стрѣльба въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ находятся казармы Волынскаго, Преображенскаго и Литовскаго полковъ. Это волынцы первые возстали.

Возмутились они, что полиція не идетъ защищать Родину отъ нѣмцевъ, а здѣсь въ тылу, позоритъ солдатскую шинель; переодѣвшись солдатами, разстрѣливаютъ народъ. Идти усмирять рабочихъ они отказались, убили начальника, который ихъ посылалъ и дали знать другимъ сосѣднимъ полкамъ.

Возставшихъ поддержали Литовцы и Преображенцы, Кексгольмскій полкъ, саперы и др. Часть стрѣлковъ и Семеновцевъ сразу перешла на сторону народа, а остальные потомъ присоединились.

Солдаты захватили оружіе; сами вооружились и раздали винтовки ликующему народу. Автомобили подъ красными флагами съ вооруженными солдатами, быстро помчались въ разныя стороны и разнесли по городу радостную вѣсть.

Кто съ револьверомъ, кто съ винтовкой на перевѣсъ, а кто и съ обнаженной шашкой стоитъ въ автомобилѣ, размахиваетъ ею и зычнымъ голосомъ скликаетъ народъ на борьбу.

Бѣшеннымъ восторгомъ встрѣчаетъ толпа первые автомобили.

Сообщили, что арсеналъ разбитъ и оружіе захвачено. Шесть бронированныхъ автомобилей выѣхало на помощь возставшимъ солдатамъ и народу изъ Михайловскаго манежа. На Выборгской сторонѣ присоединились двѣ роты бронированныхъ автомобилей. Краси-

вая картина была, когда могучій броневикъ „Ахтырецъ“, вооруженный пулеметами и пушкой съ грохотомъ катился по Невскому, а на стальномъ его остовѣ развѣвалось красное знамя.

У Таврическаго Дворца для охраны Государственной Думы уже стоятъ орудія. На углу Литейнаго и Сергіевской ул. устроены барикады и поставлены четыре тяжелыя гаубицы.

Революція долго подготовлялась, но разразилась внезапно. Петроградъ возсталъ, чтобы сбросить съ себя иго царскаго правительства, но возсталъ неорганизованной массой. Въ этотъ моментъ оказалась одна сила, предъ которой народъ преклонялся; одна власть, которой народъ безгранично вѣрилъ. Это была Государственная Дума. Къ ней теперь обратились всѣ взоры возставшихъ. Къ ногамъ народныхъ избранниковъ сносили отнятое въ бою оружіе врага. Отъ Государственной Думы ждали отвѣта и руководства, подъ ея охрану отдали молодую русскую свободу. И она приняла власть изъ рукъ революціоннаго на-

рода и направила бушующую стихію по опредѣленному руслу. Разрозненныя и разобщенныя въ пылу возстанія войсковыя части стекались въ Таврическій Дворецъ и здѣсь получали стройную организацію и новое начальство. Залы Дворца оглашались восторженными криками „Да здравствуетъ Временный Комитетъ!“, „Да здравствуетъ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ!“

Полки, перешедшіе на сторону народа, стройными рядами подходили къ зданію Думы и на привѣтствія депутатовъ, клялись грудью отстаивать новое правительство.

Если только что пережитая нами Революція стоила сравнительно немного жертвъ, если ее даже могли назвать французы „улыбающейся“, то это произошло благодаря тому, что у народа была Государственная Дума, которая приняла на себя власть. Въ этомъ — безпримѣрная ея заслуга.

Народъ возсталъ и побѣдилъ.

Вспомнили, что въ неволѣ томятся борцы за народную свободу, что луч-

шими гражданами переполнены тюрьмы — и мигомъ разбиты тюремныя ворота. Узники увидѣли Божій свѣтъ теперь уже вольной Россіи.

Взяли тюрьму „Кресты“, на Выборгской сторонѣ, гдѣ содержались политическіе заключенные; разбили и сожгли „Предварилку“, на Шпалерной улицѣ; захватили Петропавловскую крѣпость, а тюрьму, которая называлась „Литовскій замокъ“, разбили и подожгли. Цѣлыхъ два дня она горѣла. Народъ требовалъ, чтобы огнемъ очистили всю мерзость русскихъ тюремъ.

При разгромѣ тюремъ и участковъ обыкновенно бывало такъ. Подъѣзжаютъ автомобили, грузовые и легкіе, полные вооруженнымъ народомъ съ пулеметами и начинаютъ „чистку“ производить. На нѣкоторыхъ автомобиляхъ приходилось видѣть штукъ по шесть пулеметовъ, отнятыхъ у „фараоновъ“ и снятыхъ съ чердаковъ. Въ важныхъ случаяхъ, напр., при засадѣ, вызывали бронированный автомобиль.

Въ участкахъ находились штабъ-квартиры кровавыхъ „пулеметчиковъ“.

Вооруженныя толпы бросались на нихъ, стали громить и безпощадно сжигать всѣ ихъ подлыя дѣла. На улицахъ возлѣ каждаго полицейскаго участка горѣли огромные костры, на которыхъ сжигали документы участка и имущество приставовъ. Ихъ квартиры громили съ особеннымъ озлобленіемъ. Были къ тому свои причины. Въ городѣ сахару нельзя было получить, а въ квартирѣ пристава находили десятки пудовъ; народъ безъ хлѣба сидѣлъ и безъ мяса, а въ участкахъ оказывались цѣлые склады мяса, муки, спирту, вина и пр. Изъ одного участка на Васильевскомъ островѣ вывезти пришлось съѣстные припасы на двѣнадцати автомобиляхъ.

Жестокій былъ судъ у народа для того, кто стрѣлялъ изъ участка въ толпу. Напримѣръ, одного пристава у Александро-Невской части, на которой трещали пулеметы, привели, говорятъ, подхватили на штыки и бросили въ огонь.

Впрочемъ, когда выяснилось, что побѣдилъ народъ и сила на его сторонѣ, такъ въ участкахъ рѣдко кого находили: покинули свое убѣжище „фараоны“ и куда-то попрятались.

Оказалось, что городовые снова переодѣлись, теперь уже въ вольное платье, и разбѣжались въ разныя стороны.

Въ это время въ зданіи Главнаго Адмиралтейства укрылся со всѣмъ своимъ штабомъ командующій войсками округа, генералъ Хабаловъ.

Здѣсь городовые въ два часа ночи из-за ограды Александровскаго сада, прилегающаго къ Адмиралтейству, вдоль Невскаго изъ пулеметовъ разстрѣливали народъ.

А чтобы ихъ было не видно, такъ они одѣли бѣлые балахоны, что на фронтѣ зимой развѣдчики носятъ. Потомъ при обыскѣ и балахоны эти нашли.

Весь день 28-го фавраля шла осада революціонными войсками Адмиралтейства. Засѣвшія съ Хабаловымъ войска безпрерывно отстрѣливались

ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Однако съ каждымъ часомъ положеніе осажденныхъ становилось все хуже и хуже. Въ бою прошла вся ночь, а къ утру защитники жалкихъ остатковъ стараго правительства, потеряли послѣднюю надежду, и силы ихъ пришли въ полное разстройство. Въ это время морской министръ получилъ письмо, въ которомъ говорилось, что если черезъ 20 минутъ не будетъ сдано Адмиралтейство, то оно будетъ разгромлено изъ тяжелыхъ орудій Петропавловской крѣпости. Ее занималъ Кексгольмскій полкъ. Бывшія подъ командой Хабалова войска сдались, а самъ онъ со всѣмъ штабомъ былъ арестованъ и подъ сильной охраной вооруженнаго народа доставленъ въ Государственную Думу.

Къ тому времени въ Думѣ, въ министерскомъ павильонѣ, гдѣ подъ стражей содержались сіятельные узники, уже много было ихъ прежнихъ товарищей. Были среди нихъ такіе, которые сами отдались, какъ, напримѣръ, презрѣнный трусъ Протопоповъ,

виновникъ многихъ бѣдствій народныхъ. Онъ пришелъ ночью въ Государственную Думу и отдался въ руки Новому Правительству, чтобы избѣжать самосуда толпы. Были такіе, которыхъ арестовали на дому; а были и такіе, которые оказали сопротивленіе при арестѣ.

Когда доставили въ Государственную Думу бывшаго военнаго министра Сухомлинова, извѣстнаго по Мясоѣдовской исторіи о предательствѣ, личнаго друга царя, то его появленіе вызвало среди солдатъ большое возбужденіе. Раздались отовсюду возгласы солдатъ: „Выдать Сухомлинова". Съ большимъ трудомъ удалось членамъ Думы успокоить солдатъ. Потребовали, чтобы сорваны были погоны. Погоны были срѣзаны и показаны преображенцамъ.

Когда пришли арестовать барона Штакельберга, онъ оказалъ сопротивленіе. Попросилъ одѣть пальто—ему разрѣшили и приказали идти. Онъ выхватилъ револьверъ и сталъ стрѣлять. Въ это время съ крыши пулеметъ за-

трещалъ, а изъ подъѣзда швейцаръ нѣсколько выстрѣловъ далъ. Расправа была съ нимъ коротка: разстрѣляли на набережной и выбросили въ Неву.

А къ Государственной Думѣ подходили все новые и новые полки въ полномъ порядкѣ, съ музыкой и съ развернутыми красными знаменами. Перваго марта въ залѣ „Арміи и Флота" было созвано собраніе всѣхъ офицеровъ Петроградскаго горнизона, которое приняло такое рѣшеніе: „Офицеры, идя рука объ руку съ народомъ, признаютъ власть Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, впредь до созыва Учредительнаго Собранія". Потомъ они въ количествѣ до трехъ съ лишкомъ тысячъ стройными рядами съ оркестромъ музыки направились въ Таврическому дворцу, гдѣ ихъ восторженно встрѣтилъ народъ и депутаты. Оттуда направились по Невскому къ Адмиралтейству. Зрѣлище было красивое и величественное.

Уже 2-го марта ни въ Петроградѣ, ни въ окрестностяхъ не было ни одной воинской части, которая бы не пере-

шла на сторону революціоннаго народа. Свобода была такимъ образомъ завоевана. Нужно было теперь создать твердую власть.

Взамѣнъ стараго правительства Государственная Дума выдѣлила изъ себя такъ называемый Временный Комитетъ въ составѣ 12 депутатовъ Думы. Въ то же время образовался Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Между Совѣтомъ и Комитетомъ состоялось соглашеніе и было избрано Временное Правительство. Главная задача Временнаго Правительства — установить порядокъ и подготовить выборы въ Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Къ нему временно перешла вся власть стараго правительства, которую оно, въ свою очередь, передастъ Учредительному Собранію.

Это собраніе рѣшитъ, какую форму правленія слѣдуетъ установить въ Россіи и какіе основные законы издать.

А пока Временное Правительство должно было позаботиться о томъ,

чтобы у народа не отняли завоеванную имъ свободу.

Предстояло ему рѣшить вопросъ, какъ быть съ бывшимъ царемъ и со всѣмъ домомъ Романовыхъ. Боялся народъ, чтобы не было попытокъ съ ихъ стороны вернуть утерянную власть, и требовалъ принять рѣшительныя мѣры.

А боялся онъ потому, что зналъ царя Николая Романова. Зналъ, что кровью залитъ тотъ путь, по которому шелъ этотъ послѣдній царь.

Принялъ онъ престолъ отъ отцовъ своихъ и въ первые дни царствованія окропилъ его кровью Ходынки.

Человѣчество не знаетъ болѣе кроваваго царствованія, чѣмъ царствованіе послѣдняго Романова. Войны и казни, разстрѣлъ безоружныхъ, предательство и измѣна Родинѣ — вотъ что глубоко запало въ народную душу. По отзывамъ близкихъ людей Николай былъ упрямый и лицемѣрный. вѣроломный и лживый человѣкъ. Все свое царствованіе онъ боролся съ народомъ и порывы его къ свободѣ подавлялъ

въ потокахъ крови. Въ послѣдніе годы онъ окружилъ себя кликой измѣнниковъ и предателей. Развратный проходимецъ Гришка Распутинъ вмѣстѣ съ царицей-нѣмкой правили Россіей; министровъ ставили, тайны государственной обороны нѣмцамъ выдавали.

Предупреждали Николая, что ропщетъ народъ, что не гоже нѣмкѣ править русскимъ царствомъ, когда родственники ея подняли мечъ свой кровавый противъ Россіи. Да не слушался совѣтовъ царь. Отмалчивался и надѣялся со своими вѣрными слугами жестокой расправой затушить народный гнѣвъ.

Какъ только волненія въ столицѣ разрослись, бывшій царь спѣшно выѣхалъ изъ Ставки въ Царское Село, куда вызвала его жена, когда увидѣла, что тронъ шатается.

Недалеко отъ станціи Дно, получена была телеграмма, въ которой сообщалось, что весь гарнизонъ Царскаго Села перешелъ на сторону народа, а Александра Феодоровна, покинутая войсками, проситъ

предсѣдателя Государственной Думы Родзянко охранить царскую семью. Предполагалось ѣхать въ Москву, но на ст. Дно пришла новая телеграмма, въ которой сообщалось, что Московскій гарнизонъ цѣликомъ на сторонѣ новаго правительства, что всѣ власти въ Москвѣ арестованы и тамъ нѣтъ другихъ войскъ, кромѣ народныхъ. Тогда царскій поѣздъ сталъ метаться отъ ст. Дно до ст. Бологое и обратно, тщетно стараясь куда-нибудь прорваться.

Въ это время въ Петроградѣ Временное Правительство единогласно рѣшило вопросъ объ отреченіи Николая II-го. По полученнымъ свѣдѣніямъ царь прибылъ въ г. Псковъ. Два депутата, Гучковъ и Шульгинъ, по порученію Временнаго Правительства немедленно выѣхали туда.

Гучковъ подробно объяснилъ, царю, что произошло въ Петроградѣ, въ какомъ положеніи находится прежнее правительство.

Тогда Николай Романовъ выразилъ согласіе отречься отъ престола въ

пользу своего брата. Депутаты новаго правительства согласились на это.

Такимъ образомъ совершилось важное историческое событіе. Это произошло въ ночь со 2-го на 3-е марта между 11 и 12 часами.

Въ 5 час. утра актъ объ отреченіи былъ полученъ Временнымъ Правительствомъ. Въ 10 часовъ утра того же дня, совѣтъ министровъ въ полномъ составѣ выѣхалъ въ Гатчино и прибылъ во дворецъ Михаила Александровича. Здѣсь послѣ совѣщанія онъ подписалъ актъ объ отреченіи отъ престола въ пользу народа.

Началась династія Романовыхъ Михаиломъ, который послѣ великой смуты въ 1613 году сѣлъ на царство. Послѣднимъ царемъ тоже оказался Михаилъ, который отрекся отъ престола, когда въ странѣ бушевалъ ураганъ Революціи. Какъ во Франціи больше ста лѣтъ тому назадъ рухнула монархія подъ могучимъ натискомъ возставшаго народа, такъ сгинулъ теперь царизмъ и у насъ въ Россіи. Послѣдняго французскаго ко-

роля Людовика XVI-го въ рѣшительный моментъ шли выручать нѣмецкія и австрійскія войска. Король былъ арестованъ, когда нѣмцы уже вторглись въ предѣлы Франціи и грозили раздавить молодую Республику. Русскій народъ также вынужденъ отстаивать завоеванную свободу съ оружіемъ въ рукахъ противъ нѣмцевъ и арестовать бывшаго царя и его семью, чтобы оградить себя отъ ихъ козней.

Такъ закончился Великій Переворотъ въ Россіи. Вѣковой гнетъ, давившій русскаго человѣка, уничтоженъ. Теперь открылось предъ русскимъ народомъ свѣтлое будущее счастья и славы. И народъ ликуетъ. Со всѣхъ сторонъ необъятной Матушки-Россіи приходятъ вѣсти о томъ, съ какой радостью встрѣтили всѣ долгожданную свободу.

Сотни тысячъ гражданъ отнынѣ свободной страны ликующія направляются къ Государственной Думѣ и тамъ приносятъ клятву на вѣрность Родинѣ и Временному Правительству.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА“.

Петроградъ. Боровая, 18, кв. 37. Тел. 542-16.

1-я серія брошюръ „Революціонной Библіотеки“ состоитъ:

1) Революція въ Петроградѣ.
2) Временное Правительство.
3) Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.
4) Учредительное Собраніе въ Россіи.
5) Что такое республика.
6) Чего ждать крестьянину и рабочему отъ республики.
7) Сколько въ Россіи земли и кому она принадлежитъ.
8) Что стоилъ Россіи домъ Романовыхъ.
9) Права женщины.
10) Какъ народъ завоевалъ себѣ свободу въ другихъ странахъ.
11) Государственный строй въ Англіи, Франціи, Америкѣ и Швейцаріи.
12) Первыя реформы въ русской Арміи.

Отдѣльныя книжки въ розничной продажѣ—15 коп. Съ пересылкою и на ст. ж. д. 20 коп.

При выпискѣ одновременно двадцати пяти серій и болѣе пересылка за счетъ издательства.

Высылка производится только за наличныя или наложеннымъ платежемъ по полученіи не менѣе одной трети стоимости заказа.

Деньги и заказы адресовать: Петроградъ, Боровая, 18, кв. 37. Издательство «Революц. Библіотека».